

Теперь они встретились уже за пределами хребта Циньлин, как говорится, тесен мир для заклятых врагов.

Услышав, что эта звезда бедствий явилась искать род Цуй, Цуй Сянь сразу напрягся, и в душе вновь поднялось знакомое чувство опасности. Когда он едва не погиб, оказавшись в ловушке призраков в переулке Лянъи, ему смутно слышалось, как какие-то существа выкрикивали слова «род Цуй». Скорее всего, речь и правда шла об их семье.

Только этот человек опоздал: кто в его семье умер, кто пропал без вести, и теперь из всех носителей фамилии Цуй остался он один, пожалуй, самый бесполезный представитель рода Цуй за всю его историю. Но думать можно было что угодно. Личность человека перед ним оставалась неясной, невозможно было понять даже, человек он или нечисть, поэтому Цуй Сянь по привычке решил не говорить правду.

Его взгляд скользнул к лакированным красным воротам, которые мужчина только что выбил одним пинком.

— Приятель, эти ворота - антиквариат. Очень дорогой.

Он ещё ни гроша не успел заработать, а неприятности уже сами свалились ему на голову, да ещё и одна створка родового дома пошла в убыток. Но происхождение у этого человека явно было непростым, и Цуй Сянь не смел относиться к нему легкомысленно. Он прищурился и молча засунул совершенно бесполезный электрошокер в карман пижамы со Спанч Бобом.

Всё равно в драке ему ничего не светило. Этот Юань тогда в Циньлине мог одним ударом расцедь призрачный автобус, так что с каким-то жалким электрошокером Цуй Сянь выглядел бы ещё менее убедительно.

Глядя на грандиозную картину за дверью, где под красной луной теснились призрачные тени и до небес поднималась злобная ци, Цуй Сянь кашлянул:

— Лампа пробуждения душ? Это ещё что такое? Разве все эти «друзья» снаружи не тобой приведены?

Юань Чжэнчу приподнял бровь и окинул Цуй Сяня взглядом с головы до ног.

— Ты носишь фамилию Цуй?

Цуй Сянь ответил:

— А ты знаешь кого-то по фамилии Цуй?

Юань Чжэнчу:

— Кем тебе приходится Цуй Икунь?

— Раз уж ты тоже Юань, тогда кем тебе приходится Юань Тяньган времён Тан и Юань Шикай времён Китайской республики?

— Кисть судьи у тебя?

— Ты знаешь, что за незаконное проникновение в чужой дом с холодным оружием можно угодить за решётку?

Пока они перебрасывались вопросами, один за другим, клубящиеся за дверью сгустки чёрного тумана, похоже, уже не могли больше терпеть. Пользуясь тем, что высоко висела Лампа призыва душ, некоторые из них, не считаясь ни с чем, начали рваться внутрь усадьбы. Юань Чжэнчу повернул голову и оглянулся, положив правую руку на меч. Цуй Сянь решил, что тот сейчас вмешается, но мужчина неожиданно убрал клинок в ножны, скрестил руки на груди и отступил в сторону, молча приготовившись наблюдать.

Цуй Сянь на мгновение застыл, а затем мгновенно всё понял и резко втянул холодный воздух.

Ворота уже были выбиты одним пинком Юань Чжэнчу, и стоило жутким, пропитанным кровью призракам снаружи увидеть, что преграды больше нет, как они тут же с воем и жадностью ринулись к Цуй Сяню. Тот в панике полез в карман за маленьким электрошокером. Но дешёвка есть дешёвка: тот лишь несколько раз жалко треснул искрами и окончательно сдох.

Однако Цуй Сянь уже много лет болтался на самых задворках индустрии развлечений и давно научился и гнуться, и выпрямляться по обстоятельствам; кожа на лице у него была натренирована не хуже крепостной стены. Он молниеносно развернулся и с быстротой, которой не успел бы загородиться даже гром, на коленях проскользнул за чёрное одеяние Юань Чжэнчу. Глядя оттуда на надвигающуюся из ночи нечисть, Цуй Сянь поднял на него лицо, и теперь его взгляд сделался исключительно «искренним», а язык сразу заработал куда проворнее.

— Всё верно, фамилия этого ничтожного Цуй, имя Сянь, пол мужской, двадцать шесть лет, интересы самые разнообразные. Берусь за коммерческие выступления, гастрольные подработки, съёмки в сериалах, кино и коротких драмах, а при необходимости могу даже вести свадьбы. Цена разумная, качество отличное, не обману ни старого, ни малого - все, кто пробовал, остались довольны! Босс, какие будут распоряжения? Только скажите!

Красивое лицо Цуй Сяня от страха слегка побледнело, но большие глаза он распахнул невинно и предельно искренне - лстивость читалась в них совершенно отчётливо.

Неподвижная, словно скала, фигура Юань Чжэнчу наконец шевельнулась. Цуй Сянь уже подумал, что тот сейчас просто отпихнёт его ногой, но мужчина лишь взмахнул рукой. Из рукава вылетел какой-то лист бумаги и, рассыпая золотые искры, прилепился к поваленным воротам. Дремавший до этого Цзяоту на створке мгновенно оживился. Он распахнул огромную пасть и проглотил золотое сияние, а его отлитые из бронзы и железа мышцы и кости словно расправились, разразившись серией трескучих щелчков. Затем он улёгся на дверное кольцо и взревел.

В ту же секунду вся створка с грохотом поднялась прямо с земли, вертикально встала в пустом дверном проёме и плотно закрылась, не оставив ни единой щели.

Цзяоту питался духовными артефактами, подпитывая ими собственную силу. Почти сто лет ему не хватало духовной энергии, и он уже едва не превратился в обычную железную болванку. Но теперь, проглотив настоящий даосский талисман Юань Чжэнчу, он мгновенно воспрянул духом и вновь гордо расправился, заняв своё место на бронзовом дверном кольце. Окружавшие дом призраки и демоны пока не знали истинной силы Цуй Сяня и боялись ненароком оскорбить Судью, поэтому все отступили за ворота и продолжили ждать, так же, как ждали уже много лет.

Теперь во дворе остались только двое. Цуй Сянь всё ещё держался за край чужого одеяния и, ошеломлённо глядя на произошедшее, сглотнул слюну.

— Бо... босс, а то золотое магическое сокровище, которое вы только что использовали... оно продаётся?

Будь у него целая пачка таких золотистых драгоценных бумажек, ему не пришлось бы столько лет жить, пряча голову и скрывая хвост.

Но он ещё не успел договорить, как Юань Чжэнчу, не произнеся ни слова, мгновенно переменился в лице. Он резко поднял руку, и его длинные пальцы с мозолями от меча стремительно сложили печать, после чего он направил их прямо к точке Байхуэй на макушке Цуй Сяня.

Этот человек зажёг Лампу пробуждения душ в старом доме рода Цуй, заброшенном уже много лет, но при этом увиливал, болтал без умолку и отвечал совсем не на то, о чём его спрашивали. Раз словами ничего выяснить не удавалось, Юань Чжэнчу решил лично проверить, что он собой представляет.

Но в тот самый миг, когда окутанные золотым светом пальцы уже почти коснулись головы Цуй Сяня, из окна второго этажа за спиной внезапно донёсся яростный рёв, и наружу вырвалась огромная чёрная тень. Золотые вертикальные зрачки тени сузились до тонких кровавых линий. Распахнув огромную пасть, она заслонила собой Цуй Сяня и с яростью бросилась прямо на Юань Чжэнчу.

Юань Чжэнчу лишь скользнул по ней взглядом и совершенно спокойно одной рукой

продолжил удерживать печать, а другой выхватил меч. Блеск клинка промелькнул прямо перед глазами Цуй Сяня, и на краткий миг тот даже увидел на зеркальной поверхности меча отражение собственных широко раскрытых глаз, словно смотрел в лицо другому себе, отчего зрелище казалось особенно жутким.

Ощущение было необъяснимо скверным, и Цуй Сянь инстинктивно отшатнулся.

В тот же миг раздался чистый звон:

— Дзинь!

Пинъанькоу на его шее и без того уже был весь покрыт трещинами, и когда Цуй Сянь отшатнулся, подвеска как раз ударилась о лезвие меча Юань Чжэнчу. В миг соприкосновения она окончательно рассыпалась: тело подвески с грохотом взорвалось, превратившись в пёстрый дым, который взвился вверх, некоторое время кружил в воздухе, а затем, словно после долгих лет блужданий внезапно нашёл дорогу домой, стремительно устремился прямо в межбровье Цуй Сяня.

Цуй Сянь даже моргнуть не успел, как перед глазами почернело, голову пронзила невыносимая боль, и он тут же потерял сознание. Последнее, что он смутно слышал, был низкий, удивлённый голос мужчины:

— Какая искусная техника запечатывания души!

Стоило Цуй Сяню рухнуть, как огромный чёрный зверь, бросавшийся на Юань Чжэнчу, мгновенно взъерошился, а затем с протяжным «мяу» прямо на месте превратился в худенькую чёрную кошку с жёлтыми глазами. Её длинный хвост взметнулся, словно чёрное облако, ловко обвил Цуй Сяня и, пока Юань Чжэнчу наблюдал за внезапно разрушившейся печатью души, кошка стремительно унесла его на второй этаж.

Юань Чжэнчу не стал силой их задерживать: монах может сбежать, но храм никуда не денется. Он лишь окинул взглядом старую усадьбу рода Цуй, затем сосредоточился и направился к двухэтажному дому, стоявшему в месте пересечения Инь и Ян под кровавой луной.

Открыв дверь первого этажа родового дома Цуй, он увидел множество беспорядочно расставленных магических артефактов и сокровищ. Однако за долгие годы без подпитки духовной силой владельцев все они давно обветшали и покрылись пылью. По одному этому уже можно было судить, насколько долгим, почти столетним, было молчание рода Цуй.

Следуя по следу «ци» желтоглазой чёрной кошки, Юань Чжэнчу открыл центральную комнату на втором этаже, где почитали пустой лист пожелтевшей бумаги.

Цуй Сянь лежал без сознания на полу под алтарным столом, аккуратно уложенный там.

Худенькая чёрная кошка устроилась рядом, а её длинный хвост крепко обвивал шею Цуй Сяня, словно защищая его. Увидев, что дверь открылась, она выгнула спину, прижала уши и зашипела на незваного гостя.

Юань Чжэнчу некоторое время внимательно рассматривал её и наконец узнал в чёрной кошке сюаньша. Чтобы появилось такое существо, духовная тварь должна была погибнуть после тяжелейших мучений тела и души, а затем её особым способом перерабатывали с использованием человеческой крови. Сюаньша рождалась, храня в себе один глоток ненависти и обиды, слушалась только хозяина и обладала чрезвычайно сильной жаждой убийства, нарушающей небесную гармонию. Из-за чрезмерной жестокости подобных методов практики, ходившие такими кривыми путями, давно вымерли, а сама запретная техника была утрачена. Юань Чжэнчу слегка нахмурился: в нынешние смутные времена даже такая нечисть, как сюаньша, снова появилась в мире.

Он медленно вытащил меч, глядя на настороженно прижавшую уши и выгнувшую спину чёрную кошку.

.....

Когда Цуй Сянь очнулся, уже рассвело.

Голова болела ужасно, словно кто-то трое суток без передышки перемешивал ему мозги палкой для помоев. Стоило попытаться о чём-нибудь подумать, как мысли тут же вязли и застревали; в голове будто стоял густой туман.

Поэтому, когда он открыл глаза, придерживая голову, сел на полу и увидел над собой, на алтарном столе, молчаливо сидящего по-турецки мужчину в чёрном, который лишь опустил голову и невозмутимо гладил кошку, Цуй Сянь не сразу понял, что происходит. Всё вокруг было слишком старым и пропитанным духом древности - и обстановка, и сам человек.

— Эм... Это съёмочная площадка какой дорамы? А вы, учитель, кто?

Маленькая чёрная кошка, которую силой усмирили и теперь держали на коленях, наглаживая так, что она уже почти переворачивалась пузом кверху, едва увидела, что Цуй Сянь проснулся, мгновенно изменилась в лице и куда-то растеряла прежнюю покорность. Она даже разинула пасть и укусила большую руку, всё ещё гладившую её мягкий живот, после чего перекатилась, вскочила Цуй Сяню на плечо и с беспокойством принялась обнюхивать его лицо и дыхание. И даже в этот момент не забыла выкроить время, чтобы обернуться к Юань Чжэнчу и яростно зашипеть на него, явно показывая, что не имеет с ним ничего общего.

Юань Чжэнчу сверху вниз внимательно разглядывал Цуй Сяня, не понимая, какую ещё уловку тот задумал. Но лежавший рядом меч Шэньцюэ явно считал иначе: с клинка выплыли две драконьи тени, одна чёрная, другая белая, и разом оглушительно рывкнули прямо на сидевшего на полу Цуй Сяня. Огромная звуковая волна, смешанная с яростной духовной энергией, ударила так, что Цуй Сяню едва не сорвало крышу черепа. Он даже успел

разглядеть глотки обеих драконьих теней.

Эти знакомые «кровавые пасти» мгновенно вбили обратно на место воспоминания последних дней: Циньлин, призрачный автобус, переулок Ляньи, старый дом, зажжённый фонарь, человек с мечом...

— А! Ты же Юань... Юань... Юань!

Цуй Сянь запнулся вовсе не потому, что забыл имя Юань Чжэнчу, а потому, что мужчина перед ним уже снял чёрную бамбуковую шляпу. Ржаво-кровавый лунный свет из-за окна падал сверху вниз на его лицо, холодное, словно нефрит: косые брови уходили к вискам, глаза феникса были опущены, нос - прямой и изящный, губы - тонкие. Когда он молчал, его красота даже отдавала каким-то состраданием, но стоило поднять глаза, как в холодном взгляде вспыхивала свирепая губительная аура, и весь человек вновь превращался в ледяное лезвие.

Цуй Сянь много лет крутился и барахтался в индустрии, где красивых лиц было хоть отбавляй, однако такого лица, такого клинка, такого человека ему ещё видеть не доводилось. Он давно считал, что красота внешности больше не способна его впечатлить, но сейчас всё же невольно засмотрелся. На ум даже пришли старые сборники рассказов о нечисти: «Раскрашенная кожа» из «Ляочжай»*, лисы, превращающиеся в красавцев, и прочее в том же духе, словом, всё то, что не принадлежало обычному человеческому миру.

(ПП: сборник рассказов о сверхъестественном, написанный Пу Сунлином в эпоху Цин.)

Впрочем, эти бессвязные мысли промелькнули лишь на миг. Цуй Сянь встряхнул всё ещё затуманенной головой и, прищурившись, уже начал придумывать, как бы обвести вокруг пальца этого «красавца с нарисованной кожей», когда тот вдруг заговорил:

— Скоро рассвет. Если не погасишь Лампу пробуждения душ, твой смертный час близок.

<http://bllate.org/book/18411/1865957>